

М. А. Одинцова

Ресурсный потенциал повседневности

В статье рассматриваются подходы к понятию «повседневность» с точки зрения социологии, культурологии, философии, психологии, делается их обобщающий анализ. Определяются отличительные признаки повседневности, выделяются ее уровни. Делается акцент на ресурсном характере повседневной жизни.

Ключевые слова: повседневность, преадаптация, адаптация, постадаптация, трансадаптация, ресурсы.

M. A. Odintsova

Resource Potential of Daily Routine

In the article are considered approaches to the concept «daily routine» from the point of view of Sociology, Cultural Science, Philosophy, Psychology, their generalizing analysis is made. Distinctive signs of daily routine are defined, its levels are allocated. The resource character of the everyday life is emphasized on.

Key words: daily routine, pre-adaptation, adaptation, post-adaptation, trans-adaptation, resources.

Повседневность, определяемая чаще всего как некая обыденная сфера и определенный способ жизни человека, в ней долгое время оставалась за пределами научных исследований. Только сегодня повседневная жизнь стала также привлекательна для исследователей как и другие типы жизненных ситуаций. Мировая философия, история, антропология, педагогика, социология и психология стали задумываться о значимости того, что окружает индивида изо дня в день и как это влияет на человека. Одним из первых, кто обратил внимание на значимость осмысления «сферы человеческой обыденности» был Э. Гуссерль. Вслед за этим, ситуации повседневной жизни стали активно изучаться в социологии (П. Бергер, Т. Лукман), в антропологии и философии (Б. Вальденфельс, А. В. Золотухина-Аболина, И. Т. Касавин, В. А. Лекторский, О. Ю. Марковцева, Э. А. Орлова, М. Хайдеггер, и др.), истории и культурологии (Ю. Л. Бессмертный, А. Я. Гуревич, К. Гинзбург, Д. Леви, Ю. М. Лотман), психологии (А. Адлер, Л. Росс, Р. Нисбетт, В. Франкл, Э. Фромм) и других научных направлениях.

Причиной появления целого потока исследований повседневности стали резкие изменения в сфере экономики, политики, культуры, образования, что, собственно, влечет за собой изменения и в сфере повседневной жизни. Повседневность уже перестала быть тотально инертной, застывшей, «уродливой» (Н. Бердяев), низшей реальностью, значением которой можно пренебрегать. Она «эк-

зистенциально захватывает» [7] человека своей изменчивостью, начинает осмысливаться в качестве реальности, которая занимает большую часть человеческой жизни, как ценность, нечто положительное и необходимое. К миру повседневности относят простые, «естественные» ценности и идеи, которые человек впитывает с самого рождения – это труд, семья, уважение к старшим, любовь к родине, и т. п. Все это, как показывает жизнь, оказывается более устойчивым, в меньшей степени подвергается изменениям, в какой-то степени, определяет качество жизни человека, и носит ресурсный характер.

В различных областях научного знания к понятию повседневности подходят через призму того или иного подхода. Так, в социологических науках повседневность выступает в форме усредненного общественного мнения относительно происходящих в обществе явлений, измеренных с помощью репрезентативных опросов (И. Т. Касавин, С. П. Щавелев, и др.). В культурологии повседневность рассматривается как образ мира, в котором выделяются стабильные, не подвергаемые сомнению основания жизнедеятельности человека: традиции, ритуалы, стереотипы, категориальные системы и т. п. (Ю. М. Лотман, Л. Н. Коган, Е. В. Ковалева, и др.). С философской точки зрения повседневность способна преобразовывать пограничные ситуации, превращать их из источника страха и отчаяния в основу мужества и терпения (Р. Мэй, М. Хайдеггер, и др.). В педагогике

повседневность рассматривается как возможность влияния на взрослеющего человека (В. Т. Кудрявцев, Т. А. Ромм и др.). Что касается повседневности как психологического феномена, то, в общих чертах ей соответствует набор поведенческих реакций на изменяющееся окружение [5]. Д. Колесов выделяет психологию повседневности [6], при этом описывает множественность желаний, побуждения, надежды, веру в чудо, волю, позитивные и негативные эмоции, смыслы, и так далее, пытаясь через конкретную житейскую ситуацию определить значение повседневной жизни [7].

Однако, несмотря на увеличивающийся в последнее время интерес к повседневности, в психологии представление об этом феномене носит все же ограниченный характер. Не дается ее четкое определение, выделяемые характеристики несколько размыты, не определяются, а, в некоторых случаях, нивелируются ресурсные возможности повседневности. Попробуем расширить представление об этом феномене, сделав анализ основных идей, являющихся важными для психологической интерпретации.

Так, Б. Вальденфельс метафорично обозначает повседневность «плавающим тиглем рациональности», что не имеет буквального перевода на русский язык, но означает «воплощенную, просачивающуюся рациональность» [3, с. 46], граничащую с «поднимающейся рациональностью» [3, с. 47]. Под рациональностью автор понимает то, что воплощается в смысловые, правильные, регулярно повторяющиеся, рассудочно-прозрачные взаимосвязи, которые существуют в различных полях и стилях рациональности. На основании этого автор выделяет уровни повседневности. Первый уровень связан с «обживанием», «выживанием», и называется «культурным грехопадением» [3, с. 46], сферой, где собираются и хранятся «смысловые осадки» [там же]. Обращаясь к такой, несколько ироничной, но точной метафоре, автор описывает первую фазу адаптации, которую в психологии обозначают термином преадаптация (М. Ш. Магомед-Эминов), подразумевая под этим использование готовых элементов внутренней структуры «адаптанта», заранее приспособленных форм поведения. Эта фаза предполагает наличие у субъекта адаптации («адаптанта») потенциально полезных признаков (ценностей, навыков, образцов поведения) наряду с функционирующими. Одновременно в психологии к понятию «адаптант» сохраняется негативный подтекст, что сродни Вальденфельсовскому «культурному грехопадению», так как предполагает обычное при-

способление, без выхода на иные, более совершенные уровни адаптации.

Наряду с выделением первого уровня повседневности, как воплощенной и просачивающейся рациональности, Б. Вальденфельс пишет о связи ее с тем, что «входит в плоть и кровь» человека (присвоение знаний, приобретение навыков, умений) и самое главное – опыта. В повседневности укрепляется понимание происходящего; сохраняются нормы, правила, традиции. Такой уровень будем называть вторым уровнем повседневности. В психологии это обозначается инадаптацией (М. Ш. Магомед-Эминов) или собственно нормативной адаптацией. Это некий уровень достижения внешней и внутренней гармонии.

На третьем уровне повседневности, уже на уровне «поднимающейся рациональности» происходит образование и обнаружение смыслов, открытие новых правил, человек выходит в зону, которая граничит с внеповседневностью («поднимающаяся рациональность»). «Когда именно новое и оригинальное более не улавливается интегративным общим порядком или регулятивным основополагающим принципом, тогда оно принимает форму отклонения. Возникает сумеречная зона, в которой повседневность преобразуется за счет медленного давления или внезапного прорыва нового...» [3, с. 47]. В психологии этот уровень называется постадаптацией (М. Ш. Магомед-Эминов) и предполагает частичное совершенствование приобретенной адаптации. Постадаптация, как некоторое нарушение адаптации, направлена на созидание нового уровня адаптации, обозначаемого трансадаптацией или адаптацией, связанной с самореализацией и трансценденцией личности.

В целом, прохождение через описанные уровни Б. Вальденфельс называет генеологией повседневной жизни, которая не допускает преувеличения значения этой сферы, не возводит категорию повседневности в ранг универсального понятия и не абсолютизирует теорию обыденной жизни» [3, с. 40–41]. «Высший» уровень повседневной жизни автор не относит в чистом виде к повседневности, отмечая его пограничный характер (с миром «внеповседневности»). Однако граница выделенных уровней носит лишь условный характер, подобный всем границам которые существуют в психологии (позитивность-негативность; норма-патология, и др.).

Полнее всех, пожалуй, описали реальность повседневной жизни и выделили ее отличительные признаки П. Бергер и Т. Лукман. Прежде всего,

исследователи обращают внимание на ее «само собой разумеющийся характер» [1, с. 39], нечто нормальное и самоочевидное, естественное, отмечают ее непроблематичность. «...привычный порядок повседневной жизни не прерывается, и воспринимается как непроблематичный [1, с. 46], будничным ежедневный, обыденный – то, что ничем не примечательно и имеет место изо дня в день.

Выделяются такие важные особенности повседневной жизни как интерсубъективность (этот мир я разделяю с другими людьми), и темпоральность. «В мире повседневной жизни есть свое интерсубъективное доступное стандартное время» – уточняют авторы [1, с. 50], то есть добавляется еще одна важнейшая характеристика повседневности – доступность. Далее отмечается: «В повседневной жизни я воспринимаю время как непрерывное и конечное. Все мое существование в этом мире, постоянно упорядочиваемое временем, насквозь проникнуто им [там же]. Этот мир должен быть достижим, доступен. «В этом мире мое сознание руководствуется прагматическим мотивом, то есть мое внимание к этому миру определяется главным образом тем, что я делаю, делал или собираюсь делать в нем [1, с. 42]. Этот признак повседневности подчеркивается авторами неоднократно, что соответствует ключевой идее Б. Вальденфельса – рациональности повседневной жизни.

Так как в повседневности преобладает прагматический мотив, важное место в социальном запасе знания занимает практическая компетентность в обыденных делах (рецепты решения повседневных проблем). «Реальность повседневной жизни всегда оказывается хорошо понятной зоной, за пределами которой – темный фон» [1, с. 77]. Знание повседневной жизни организовано в понятиях релевантностей (англ. *relevant* – соответствие), уместности. Важный элемент знания повседневной жизни – знание релевантных структур других людей. Выделяется и такой признак повседневной жизни как ее типизация. Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними [1, с. 56]. Повседневность так же полна объективаций (от лат. *objectivus* – предметный) и возможна лишь благодаря им. Среди объективаций особое место занимают знаки, в том числе вербальные и невербальные.

Таким образом, повседневность определяется в большинстве источников как целостная, упорядоченная, систематизированная в образцах (типич-

ная), доступная, понятная, регулярно повторяемая, релевантная, уже объективированная реальность, имеющая темпоральный и прагматичный (рациональный) характер.

С психологической точки зрения можно выделить основные параметры повседневности. К ним относят: поле повседневности – отрезок жизни, ограниченный социальными, биографическими, биологическими, экологическими факторами; социальная ситуация, с которой сталкивается индивид или группа; доступный мир опыта, проявляющийся в многообразии пересекающихся субъективных миров других людей; временные границы повседневности; смысловые связи переживаний, обусловленные трансформацией психических процессов и структур, вытекающих из биографии человека [5].

Как видим, большинство исследователей склонны выделять уровни повседневной жизни, от простого приспособления до уровня прорыва за грань повседневности, параметры повседневности. При этом подчеркивается, что повседневность выступает неотъемлемой частью нашего чувственного и рационального опыта, «хранилищем и транслятором наших идей» [4]. «Она присутствует здесь и сейчас, хотя мы не всегда ее видим, как не видим воздух, который нас окружает, которым мы дышим и который обеспечивает режимы функционирования подсистем нашего организма, также как и повседневность обеспечивает культурное развертывание человека в пространстве и во времени» [4].

Иными словами, повседневность как жизненно необходимая нам данность, как «своеобразный стержень, вокруг которого что-то зарождается», [8, с. 73] и приобретает, обладает естественно заданными потенциальными возможностями и является значимым ресурсом личностного развития.

Ресурсы (от франц. *ressource* – вспомогательное средство) определяются в справочной литературе как средства, ценности, запасы, возможности, источники [2, с. 1132]. В этимологическом словаре это понятие толкуется как *ressourdre* – подниматься; от лат. *ressourgere* – распрямляться [9, с. 475]. В психологии подходы к понятию «ресурсы» неоднозначны и в основном центрируются вокруг проблемы преодолевающего поведения личности в трудных жизненных ситуациях. При этом упускаются ситуации повседневности.

Ресурсные теории рассматривают широкий спектр различных ресурсов как внешних (доступность инструментальной, моральной и эмоцио-

нальной помощи со стороны социальной среды), так и внутренних (навыки и способности индивида), что, в свою очередь, отражается на личностном потенциале. В тоже время потенциал личности включает личностные ресурсы и во многом зависит от внешних ресурсов, коими и может являться повседневность. Именно благодаря упорядоченности и типичности, доступности и понятности, регулярности и рациональности, благодаря осознанию повседневности как некой целостности, она не травмирует психику и не провоцирует жизненный кризис.

С этой позиции, повседневность является источником средств, обладает огромными возможностями, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели, для саморазвития, самореализации, личностной трансценденции. С другой стороны, повседневность может способствовать, «застреванию» личности на ее более низких уровнях (преадаптации и инадаптации). В этой ситуации, в лучшем случае, человек останавливается в своем развитии и превращается в «адаптанта» (жизнь проста, непритязательна, относительно благополучна и комфортна), в худшем, происходит зарождение «низких», деструктивных форм поведения. Традиционно считается, что деструктивные формы поведения продуцируются различными по степени трудности ситуациями, ситуациями, травмирующими психику человека. Однако, и повседневная жизнь, пропитанная, например, гиперопекой, может способствовать формированию инфантильной личности, характеризующейся незрелостью общего психического развития за счет недостаточной сформированности социальной компоненты.

Иными словами, повседневность, как стержень нашей жизни, как благодатная почва, на которой произрастает то, «что посеешь», дает нам множество возможностей.

Вышеизложенное позволяет нам заключить:

1. Повседневность определяется нами как целостная, упорядоченная, систематизированная в образцах, доступная, понятная, релевантная, уже объективированная реальность, имеющая темпоральный и прагматичный характер;

2. Повседневность – это непосредственное воспроизведение жизни, где происходит реализация потребностей и интересов человека; она отличается всеобщностью и универсальностью не-

которых психологических характеристик, а также способов жизнедеятельности человека;

3. Повседневность, являясь естественной формой прохождения человека по всем уровням адаптации (от уровней преадаптации, инадаптации до уровня проадаптации и трансадаптации) является ресурсной по своему характеру и по своим параметрам. Повседневность действительно дает человеку богатые возможности, как ими распорядиться зависит от него самого. Именно в повседневности человек может не только проживать предлагаемые жизнью обстоятельства, но создавать, творить свою жизнь, быть ее автором.

Библиографический список:

1. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
2. Большой энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 1435 с.
3. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности [Текст] / Б. Вальденфельс // Социо-логос. – М., Прогресс, 1991. – 480 с.
4. Волохов, С. П. Естественная речь и мир повседневности: нахождение смысловых границ [Текст] / С. П. Волохов // Научно-практическая конференция «Теория и практика современной письменной речи» / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 169–177.
5. Касавин, И. Т., Щавелев, С. П. Анализ повседневности [Текст] / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М. : Канон+, 2004. – 431 с.
6. Колесов, Д. В. Психологический потенциал повседневности [Текст] / Д. В. Колесов // Развитие личности, 2007. – № 1. – С. 38–46.
7. Кондрашов, П. Н., Любутин, К. Н. Диалектика повседневности: методологический подход [Текст] / П. Н. Кондрашов, К. Н. Любутин. – Екатеринбург : УрГУ. – ИФиП УрО РАН – РФО, 2007. – 295 с.
8. Худенко, А. В. Повседневность в лабиринте рациональности [Текст] / А. В. Худенко // Социологические исследования. – 1993. – № 4. – С. 67–74.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] : В 4 т. Т. 4 / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Астрель ; АСТ, 2007. – С. 475.